

**ВООБРАЖАЕМАЯ
ГЕОГРАФИЯ.
О ФИЛОСОФСКОМ
ПРИМЕРЕ «КАРТЫ»
У ДЕЛЕЗА**

Философский пример как теоретическая проблема в области классификации философских систем может рассматриваться как тема собственно исследования только в маргинальном ключе – в буквальном смысле – как своего рода игра в эрудицию. Это упражнение – еще и неизбежно тавтологическое приведение в пример примера. И вот уже тавтология, примеры философских примеров, это, например: пещера Платона, кусок воска Декарта, кусок сахара Бергсона, неподвижная земля Хайдеггера, гарсон из кафе Сартра, ...

Но, несмотря на всю кажущуюся бессмысленность этого изучения философских примеров, именно пример запоминаем мы как яркое воплощение мысли философа, идеи, которую он желал прояснить нам. Философский пример создает то характерное, что убеждает нас в правоте автора – он не может быть сведен к голой логической схеме. Пример как стилистический прием в философском произведении – неотъемлемая часть всякого живого философского труда. Его отсутствие непременно будет рассматриваться как недостаток аргументации. В то же время философский пример не рассматривается философами как аргумент, а скорее как иллюстрация. Таков вкратце его теоретический статус. Почему же проблема примера у Жилья Делеза привлекла наше внимание?

Постараемся разъяснить нашу позицию, проанализировав статус понятия «карта» в одном из самых известных его произведений «Тысяча плато». Делезианская «карта» является одним из таких философских примеров, воплощающих в себе не только логическую, но эмоциональную и образную стороны философии автора. В чем его особенность?

Категория, или «концепт», или ещё «термин» – Делез по-разному называет встречающиеся в его произведениях понятия. Одна из особенностей его философии, да и всей философии постмодернизма, заключается в этом обилии понятий, в котором невозможно порой отделить собственно философский пример как эмоциональный, описательный образ идеи, от концепции всей системы. Философский пример у Делеза становится системообразующим, причем не только для самого автора (авторов, если быть точнее, ведь Жиль Делез часто создавал

свои произведения в соавторстве), но также и для многих последователей. Вспомним «карту» Делеза:

«Создавайте карту, а не кальку, – призывает нас Делез, – Если карта противопоставляется кальке, это потому, что она целиком повернута к эксперименту, связанному с реальностью. (...) Карта имеет множество входов, в отличие от кальки, всегда возвращающейся «к тому же самому». Карта всегда является достижением, тогда как калька постоянно отсылает нас к так называемой «компетенции»» [1]

Призыв этот стал поводом для многих теоретиков разработать концепции особых географий – от ментальной, психологической, до трактовки официальной картографии как воображаемой науки. Однако «карта» эта остается системообразующим философским примером только лишь в этом конкретном произведении – «Тысяча плато». Это вообще один из излюбленных стилистических приемов Делеза или Делеза-Гваттари – введение в текст некоего термина-концепта, придание ему теоретического веса, вплоть до невозможности рассматривать не только это произведение, но и всю их философию в целом без упоминания этого термина. Но термин этот, на границе между примером и категорией, не получает никакого дальнейшего развития в последующих произведениях. Делезианская «карта» вполне может заменить его же «ризому» (еще один пример-концепт).

Если мы оставим в стороне простую констатацию, что «Тысяча плато», как и подход к её написанию, являются экспериментальными, необычными для философского произведения – и попытаемся проанализировать само возникновение понятия «карта» у Делеза, то мы придем к выводу – граница между философским примером и «концептом», как его называет сам философ, в его произведениях стерта. Тому есть объяснение.

Анализируя биографию философа, исследователи приходят к выводу о необходимости делить ее условно на два периода – первый, так называемый историко-философский период, когда были написаны произведения, посвященные ряду философов (Спиноза, Кант, Юм, Бергсон, Ницше) и второй, период написания собственно авторских философских произведений, которые невозможно рассматривать как академическую монографию. Автор и сам настаивал на разделении своего творческого пути на «до» написания «Дифференции и повторения» и «после». Таким образом, собственно возникно-

вание «карты» как философского примера-концепта, принадлежа ко второму периоду, можно было бы отнести к издержкам своего рода мании экспериментирования, возникшей с приходом в жизнь Делеза Гваттари и началом работы «в две руки» над книгами, написанными совместно.

С другой стороны, это условное деление не отражает того факта (вот почему следует назвать его условным), что историко-философское прошлое Делеза, равно как и его формирование как философа в рамках академической системы Франции до 1968 года, оказали неоспоримое влияние на формирование самой мысли философа. Как констатируют биографы, Делез внес в творчество самого Гваттари присущую ему академическую, историко-философскую дисциплину (в смысле «порядок»), обретя взамен перманентный катализатор идей, понятий, концепций. Именно Гваттари является автором многих концептов-понятий-примеров. Ризома и плато, ТелоБезОрганов и карта, все эти термины изобретены непосредственно Гваттари, о чем мы можем узнать из многих интервью, которые авторы давали совместно, а также из биографических исследований, ранних и более поздних, даже недавних. Недавно появившиеся биографические исследования, в силу значительного временного лапса, прошедшего между кончиной обоих философов и нашим временем, тем более ценны, что появившиеся за это время работы, анализирующие их произведения, помогают лучше понять некоторые факты биографий.

Тот факт, например, что Жиль Делез в начале своего философского пути являлся пристрастным исследователем кантианской философии, посвятив ей книгу «Критическая философия Канта», на самом деле ни в какой степени не идет вразрез с тем фактом, что в более поздние годы он принялся создавать «категории», не считаясь с теорией собственно кантианских категорий. Философ совершенно сознательно отвергает сам принцип кантианского подхода к созданию категорий. Список категорий бесконечен, как утверждает Делез, он должен быть таковым. Напомним, как выглядит таблица категорий у Канта.

Кант выделяет следующие типы категорий, при помощи которых упорядоченная мысль возможна:

1. Категории количества
  - Единство
  - Множество
  - Цельность
2. Категории качества
  - Реальность

- Отрицание
- Ограничение.

3. Отношения

• Присущность и самостоятельное существование (*substantia et accidens*)

• Причинность и зависимость (причина и действие)

• Общение (взаимодействие между действующим и подвергающимся действию).

4. Категории модальности

- Возможность и невозможность
- Существование и несуществование
- Необходимость и случайность.

Называя Канта своим «любимым врагом», Делез и соглашается и отрицает наличие ограниченного списка категорий. Он пишет:

«Напрасно полагать, что список категорий может быть открыт де-юре; он может быть открыт де-факто, но не де-юре. Ведь категории принадлежат миру представлений, в котором они создают формы распределения, согласно которым Бытие распределяется между сущими, следуя седентарным правилам пропорций. <...>Кантианская схема могла бы работать и превзошла бы себя, вплоть до концепции дифференциальной Идеи, если бы не оставалась необоснованно субординированной по отношению к категориям, которые свели её к роли простого посредника в мире репрезентаций» [2, с. 364-365].

Ссылка на «мир репрезентаций» как на «седентарный» в отличие от мира мысли, Идеи (с большой буквы, так как и эта категория у Делеза обладает особым, специальным статусом, отличным от того, каким она традиционно наделяется в философии), мира «номадного», если можно позволить себе этот неуклюжий заимствованный термин – еще одна часто повторяющаяся тема в произведениях автора. Хотелось бы отметить, что, на мой взгляд, слова «кочевой» и «оседлый» вполне могли бы заменить привычное для переводчиков Делеза понятие «номадизм» или «седентарный». Тем не менее, в особенности в том, что касается термина «номадизм» у Делеза, в «Дифференции и повторении» приведен очень важный анализ происхождения слова [3], во многом объясняющий суть того системного, структурального (ещё один термин, опасный по отношению к Жилю Делезу) различия, которое философ придает обоим характеризующим категориям. Поэтому, чтобы остаться верными логике изложения, нам приходится иногда использовать слово «номадный» или «номадический», несмотря на его, повторяемся, неуклюжесть.

Мир репрезентаций, мир установившихся представлений у раннего Делеза – бич всякой мысли. «Мыслить без образов» предлагает нам Делез в одном из своих произведений первого периода – «нищше и философия». Этот рефрен – настоящая мысль есть мысль без образов, без представлений, без репрезентаций – повторяется и в «Дифференции и повторении». В поздних произведениях, например в «Что такое философия?» позиция философа несколько смягчилась – он признает невозможность избежать репрезентаций, но настаивает на понимании философами того, что существуют репрезентации в целом, но наряду с ними существует еще и тотальная репрезентация мысли как таковой, «Образ мысли», меняющийся из века в век, из системы в систему.

Итак, ранняя идея Делеза заключалась в том, что, если мы желаем понять, что такое мысль и как она возможна, мы должны устремиться по пути отказа от всякого полученного представления о мысли и преодолеть самое репрезентацию. Источником же репрезентаций является язык, к системе которого принадлежат и категории. Сама по себе всякая категория (количество их все же может быть безгранично, «де-факто») – слишком громоздка, чтобы объяснить нам механику мысли. Как возможна мысль? – задается вопросом Делез. Как наши физические ощущения могут стать мыслью? – такова проблема, которую он ставит как основную философскую проблему. И, решая ее, он отказывается идти по пути создания неких специальных категорий, которые отражали бы механизм возникновения мысли более полно, чем другие. Репрезентация – вот главный враг мысли, готовая идея (со строчной буквы), отличная от Идеи (с прописной буквы), синонима мысли.

Впоследствии Делез неоднократно возвращался к поставленной в «Дифференции и повторении» проблеме, в том числе и в самый поздний период своего творчества. Вообще его «философскую жизнь» можно было бы делить на гораздо большее количество периодов, а не только лишь вышеупомянутые два – историко-философский и «собственно» философский. В частности, границы могли бы проходить по линиям возникновения и / или возвращения концептов, как собственно сам он и призывал, когда говорил об изучении истории философии. Итак, проблема возможности мысли как таковой – сквозная для философии Жили Делеза, что можно признать характерным отличием собственно делезианских произведений от написанных совместно с Гваттари.

Напомним, речь идет, во-первых, об отказе от всякой репрезентации или репрезентативной схемы в процессе изучения проблемы мысли с философской точки зрения и, во-вторых, о том, что сама проблема мысли как таковой – характерно делезианская, несвойственная, например, произведениям Гваттари, написанным последним без участия Делеза.

Таким образом, категории, которые, относясь к области языка, лингвистики, лингвистических структур, принадлежат миру репрезентаций, не способны отразить механизм и последовательность возникновения мысли. Из этого неизбежно следует, что этими громоздкими объектами – категориями – можно манипулировать как своего рода лингвистическими объектами. И вот кантианской таблице категорий Делез противопоставляет идею таблицы категорий как монтажного стола, используемого в киноиндустрии.

Книги «Кино – 1. Образ-движение» и «Кино – 2. Образ-время» в полной мере отражают саму теорию категорий у Делеза, а также дают нам обширную базу ссылок на источники, основываясь на которых, Делез приходит к определенным выводам. В частности, опираясь на теорию времени Бергсона, литературную теорию Клоссовского и, разумеется, *отталкиваясь* от кантианской теории категорий, Делез, используя метод коллажа, создает свою собственную теорию категорий. Три основные составляющие присутствуют в ней:

– категории – кантианские или иные – громоздкие языковые конструкты, не отражающие мысль как таковую, но ими можно манипулировать (измененная кантианская теория категорий);

– время – не геометрическая и не числовая величина, основой времени является не минута, а миг – мгновение, в которое происходит изменение (теория времени Бергсона);

– в речи важно не сказанное слово, а промежуток тишины между словами: именно в этот момент возникает речевой смысл (литературная теория Клоссовского).

На примере фильмов Жана-Люка Годара Делез демонстрирует, как кино в практике воплощает идею, согласно которой бергсонинский дуализм пространство / время – кажущийся. Восприятие движущегося образа-картинки как пространственного – иллюзорно, сам механизм его создания – монтаж – «вырывает образ из пустоты»:

«Напротив, важен промежуток между двумя образами: пространство, которое позво-

ляет каждому образу быть вырванным из пустоты и вновь вернуться в пустоту» [4, с. 234].

Новый метод Делез называет метод «и», «это и затем то» и противопоставляет его другому методу, «*быть*» (в том смысле, в котором мы употребляем это слово, говоря «это *есть* то-то, а это – иное»), тому, что указывает нам на то, чем вещь «*является*». Как только нам дан один образ, необходимо искать следующий, способный ввести промежуток между ними обоими. Особый метод Годара, который, согласно Делезу, состоит в том, чтобы из образов делать категории:

«Рефлексивные жанры Годара в этом смысле являются настоящими категориями, с помощью которых создается фильм. И монтажный стол рассматривается как таблица категорий. Есть что-то аристотелевское в Годаре. Фильмы Годара суть силлогизмы, которые включают в себя одновременно уровни правдоподобия и логические парадоксы. Речь не идет о процедуре каталогизации, даже не о «коллаже», (...) но о методе создания серий, каждая из которых отмечена категорией (типы серий могут быть различны)» [5, с. 241].

Эти-то новые категории или «серии, отмеченные категориями», больше не являются, как у Канта, условиями опыта или познания, но сами, по необходимости, порождены опытом. Если кантианские категории предшествуют познанию в том смысле, в котором мы способны осознать его, новые категории, согласно Делезу, преодолевают кантианский формализм в том, что касается описания процесса познания.

Рассматривая в подобном ключе проблему взаимозаменяемых философских категорий у Жюль Делеза, а также проблему философского примера как одного из способов классификации философских произведений, мы приходим к выводу, что материал для анализа и изучения, нам доступный, очень и очень богат. Кроме того, классификация по вторичным казалось бы деталям, таким как «пример» или «бестиарий», философских произведений соответствует самому духу философии постмодерна. Конечно, есть определенное логическое противоречие в том, чтобы изучать постмодерн средствами самого постмодерна. Тем не менее, мы полагаем, что подобный подход к изучению философских произведений поможет избежать того формализма, которым нередко страдает академическая философия и поможет нам лучше понять суть всякой из изучаемых философских систем.

Литература

- 1 DELEUZE G., GUATTARI F., Mille plateaux, « Introduction: rhizome » – Paris, Les Editions de Minuit – 1980, 380 p.
- 2 DELEUZE G., Différence et répétition – Paris, P.U.F. – 1969, 400 p.
- 3 Источник, часто цитируемый исследователями Делеза, упоминаемый им самим в Différence et répétition, 1969, p.54 : LAROCHE Emmanuel, Histoire de la racine en grec ancien, Paris, Librairie C. Klincksieck, 1949 (Ларош Эмманюэль, История корня пет- в древнегреческом языке), в особенности глава IV, «Пастухи и номады», p.115-129, где Ларош комментирует «пасторальный» смысл νέμω / νέμομαι: «Таким образом, мы называем νομός место выпаса, оборудованное всем необходимым, для укрытия животных и людей. Предложенные переводы «отрезок земли, участок, кусок» в любом случае не годятся для гомерических поэм и предполагают старое νέμω, «я разделяю», которое нам следует отбросить. В архаические времена выпас в основном происходит на безграничном пространстве; это может быть лес, берега рек, склон горы. <...> В конечном итоге νομός не описывает ничего другого, как только пастбище для скота или место обитания без признанных для людей границ.», p.116-117; см. DELEUZE Gilles, Différence et répétition, p.54. «Номадология» у Делеза и Гваттари – наука о распределении, наука о чистой функциональности философского понятия.
- 4 DELEUZE G., Cinéma 2 – Paris, Les Editions de Minuit – 1983, 320 p.
- 5 DELEUZE G., Cinéma 2 – Paris, Les Editions de Minuit – 1983, 320 p.